

ГЕРОИ ВЧЕРАШНИХ ДНЕЙ

— Александр Семенович, как вы попали из "Радионяни" в еврейский театр?

— Изначально вместо театра существовал лишь еврейский драматический ансамбль. Коллектив больше мучился, чем работал. Его не допускали к гастроллям в крупных городах. Он оказался без успешного репертуара и без руководителя. В этот момент возникла шальная идея назначить руководителем меня. Но, как это у нас водится, кто-то из "доброжелателей" сообщил кому следует, что я отказался. Этому быстро поверили. Спустя четыре месяца я присутствовал у Кобзона на репетиции, когда тот мимоходом спросил у кого-то из начальства, как дела с еврейским ансамблем. Ответили, что плохо. Якобы Левенбук отказался возглавить дело. Тут Кобзон сказал: "Да? Жалко. Ну, тогда познакомьтесь — это Левенбук". Шутку оценили, и дела быстро закрутились.

— У вас на стене висит портрет Хайта. Он писал для вашего театра?

— Он был нашим драматургом. А портрет этот работы его друга Игоря Кваша. Хайт как-то пошутил, обращаясь ко мне: "Не вешай его где-нибудь на виду, чтобы Кваша не подумал, что он художник".

Когда я приглашал Хайта в театр, то панически боялся, что он откажется, несмотря на то, что тридцать лет подряд я встречался с ним чуть ли не каждый день, и мы были очень близки. Поэтому решил я подстраховаться. Позвонил Кобзону и поделился с ним своими сомнениями. Кобзон помимо того, что он большая умища, еще и большой психолог. Он назначил нам встречу в тогда еще доступном ресторане Дома композиторов. За ужином Кобзон говорил о чем угодно, только не о театре. И лишь в конце сказал: "Ребята, надо поднять еврейский театр. Кроме вас, этого никто не делает. Займитесь, Аркаша". Потом, расплатившись, как всегда, он куда-то убежал. Вскоре мы с Хайтом отправились в Переделкино к какому-то его приятелю и принялись работать над пьесами.

— А что вы ставите сейчас в его отсутствие?
— Новый спектакль "Моя кошерная леди". Но, к сожалению, дело затянулось из-за неясности с претенденткой на главную роль. Одни, как Амалия Мордвинова, заняты сериалами. Другие, например Алла Пугачева, просят отложить проект на год из-за крайней занятости.

— Неужели Алла Пугачева согласилась играть в театре?

— А почему бы нет? Мы с Аллой Борисовной друзья. Встречаемся, конечно, не часто, но взаимные симпатии безусловны. Я один из тех, кто вывел ее на эстраду. На самом деле, это мы с Лившицем вывели. И она сама так говорит. Алла Борисовна вспомнила об этом, когда открывала наш театр. Говорила замечательно — в зале многие плакали. А я, в свою очередь, к ее миллиону алых роз подарил еще одну — белую.

— Пугачева попала на эстраду через "Радионяню"?

— Нет. "Даром преподаватели время со мною тратили" Алла Борисовна пела в "Радионяню" гораздо позже. А когда она пришла в наш с Лившицем коллектив, передачи еще не существовало. Пугачевой тогда было всего пятнадцать лет и три месяца. Мы организовали ей — не без блата, конечно, — академический отпуск из училища, и она приехала к нам. Совершенно неопытная, но талант чувствовался и тогда. Ведь для нее возраст — ничто. Пугачева — явление, предмет национальной гордости, как, впрочем, и Кобзон.

Помню, что однажды ночью в Центральном доме работников искусств Папанов, светлая ему память, позвал меня: "Пойдем послушаем, Кобзон будет петь". Из фойе мы с ним направились в зал. Три часа ночи. Актеры гуляют по случаю старого Нового года. Кобзон поет "Бери шинель, пошли домой". Тут Папанов сказал: "Большой артист". От него это больше, чем комплимент.

— А кого еще кроме Пугачевой вы открыли для страны?

— Ну, думаю, что одной Пугачевой уже достаточно. А если серьезно, то мы с Лившицем привели на эстраду и Арканова, и Горина, и Успенского, и Измайлова. Свели в свое время Танича и Френкеля.

— Александр Семенович, как случилось, что ваше детское радио, а не телепередача, собирала у себя такое множество знаменитых на всю страну людей?

— Так вышло не только потому, что они были наши друзья. Просто в "Радионяню" присутствовал хороший дух. И хотя в ней не наблюдалось ни тени фронды и революционности, сама атмосфера естественности и непосредственности, в которой высмеивался всякий пафос, привлекала к себе людей. Мы всегда писали в наших афишах: "Радионяня" — передача для детей от 8 до 80 лет". Я и сам каким-то правилам грамматики великого и могучего научился только благодаря "Радионяню". Скажем, ответьте, если вы опоздали на театральное представление, как нужно пройти на свое место?

— Думаю, что лицом к зрителям.

— А вот и не так. Если представление еще не началось, то да — лицом к сидящим в зале зрителям, а если началось, то к сцене. Так полагается по этикету. И в этом есть своя логика, потому что если ты уважаешь тех, кто для тебя играет, ты обращаешься к ним лицом. А зрители могут немного и потерпеть.

— Кому в голову пришла идея создания "Радионяни"?

— Как развлекательной детской передачи — Литвинову. Какой ее сделать — думали уже Эдик Успенский и мы с Лившицем. А название придумал я.

— Александр Семенович, а кто тогда написал "Радионяню", "Радионяню" — есть такая передача?

— Успенский и Шаинский. Эта песенка изначально выступала в качестве заставки. Хотя первая передача называлась вовсе не "Радионяня". Боялись, что это слово не разрешат. Какая может быть няня у советского ребенка? Поэтому первый выпуск назывался "Всем ребятам-трулялятам".

"Радионяня", "Радионяня", есть такая передача..." — эту фразу из милой детской песенки знает наизусть даже тот, кто ни разу не слышал голоса когда-то знаменитого на всю страну трио — Литвинов—Лившиц—Левенбук.

Этим совершенно непохожим на современных шоуменов людям удавалось приковывать к светлой памяти приемников "Маяк" и "Юность"

миллионы слушателей всех возрастов — от малолетних детей до умудренных

сединами старушек. Поучаствовать в этой, по тогдашней "табели о

рангах", второстепенной

передаче почитали за честь

Алла Пугачева, Михаил

Боярский, Юрий Никулин,

Ролан Быков, Олег

Анофриев, Ирина

Муравьева... Таким

образом, еще задолго до

пожара на Останкинской

башне был создан

удивительный прецедент,

когда люди

предпочитали радио

телевидению.

Один из участников

легендарной тройки —

Александр Семенович

ЛЕВЕНБУК — уже

двенадцать лет

возглавляет еврейский

театр "Шалом".

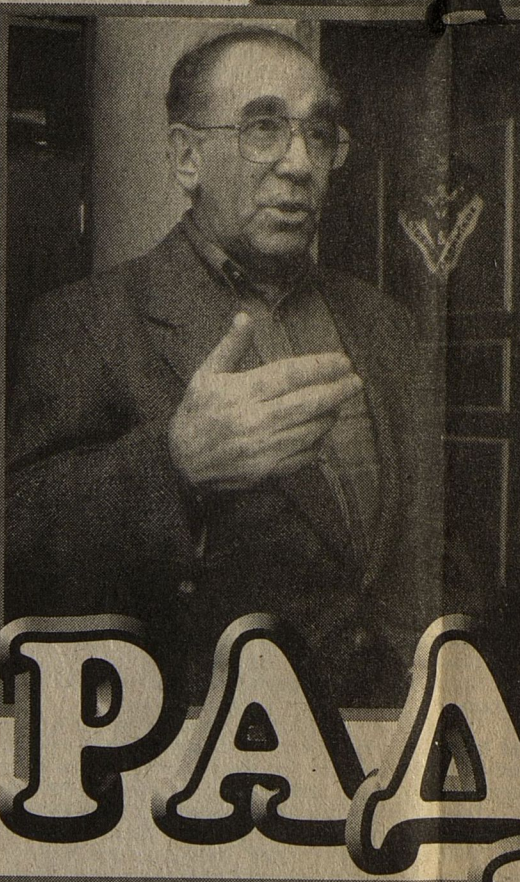

ФОТО ИЗ АРХИВА

РАДИО НЯНЬ

— Каким образом сложилось ваше легендарное трио Литвинов—Лившиц—Левенбук?

— С Лившицем мы работали на эстраде еще со студенческой скамьи, то есть — с медицинского института. Однажды нам довелось вести один концерт на радио, режиссером которого был Литвинов. Опыт подобных выступлений у нас отсутствовал. Мы жутко волновались и записывались крайне долго. Литвинов поправлял едва ли не каждую нашу фразу. И в качестве своего рода компенсации мы подарили ему свою детскую пластинку. А когда, некоторое время спустя, возникла мысль создать новую детскую передачу, Литвинов, взглянув на эту пластинку, сразу вспомнил о нас.

— Он вас, молодых и неопытных, не тиранил?

— Совсем наоборот. Мы его очень любили, и он к нам замечательно относился. Несмотря на опыт и талант, Литвинов был лишен всяких амбиций. Никогда не отвергал ничего нового. Когда появились в массированном варианте всякие рок-группы, мы его спросили: "Как вам, Николай Владимирович?" Он ответил: "Для меня, старика, это громко. Но что-то в этом есть".

— Вообще удивительно, как вас, представителей "нетитульной национальности", допустили на советское радио. Неужели не возникло никаких проблем?

— Конечно, возникали. Скажем, когда мы вели радиопередачу "Веселый спутник". Хайт, Курляндский, Лившиц, Левенбук — четыре еврейских фамилии. В итоге нас перестали объявлять.

А "Радионяня" возникла как бы сбоку. Безобидная детская передача далеко от родимого начальства. Она быстро состоялась и стала любимой. И к тому же Литвинов русская фамилия. Неважно, что он грек. Получается, что грек и два еврея учили Россию русскому языку. Для обычного человека это нормально. А для человека с определенными отрицательными традициями это ужасно.

Как два еврея и один грек учили Россию русскому языку

Ведь на самом деле наши культуры очень тесно переплетены. У евреев есть слова, которые давно уже вошли в русский обиход. Халява (бесплатное молоко для детей), колбаса (кол — все, баса — мясо), балагур (балагула — еврейский извозчик). А Лившиц, например, — профессиональный специалист по русскому прикладному искусству. Он знает технологию изготовления гжели, финифти, хохломы. И никого это не удивляет. Кроме разве что Макашковых и Баркашковых, которые своим безнаказанным поведением позорят Россию на весь мир.

— Вы сами решили закрыть "Радионяню" или вас об этом попросили?

— Как говорил Хайт, со временем мы стали "скрести по дну". 25 лет — большой срок. Да и в конце концов, не все можно было легко переложить на язык радио. Постепенно мы стали переходить на повторы. Но никто нас не закрывал. Наоборот, Брежнев даже собирал для внуков пластинки с записями "Радионяни".

— То есть с цензурой у вас никаких проблем не возникало?

— Крайне редко. Скажем, урок о первобытно-общинном строе не прошел, потому что песенка заканчивалась словами: "Общим было все подряд пять-шесть тысяч лет назад". Цензура задавала вопрос: "Тогда все было общим, а сейчас разве не все?" В итоге этот урок провалился "на полке" до самой перестройки.

— Вы встречались с Литвиновым и Лившицем после расставания с "Радионяней".

— Когда Николай Владимирович умер, "Радионяня" еще звучала. Правда, новых записей почти не было. Но, конечно, мы виделись. Один раз, когда Литвинов почувствовал себя плохо, мы с Лившицем водили его к своему другу, профессору медицины.

— Вы, очень известные в стране люди, пользовались какими-нибудь льготами? Скажем, квартира вне очереди или машина по спеццене?

— Нет. Это было не принято. Даже Кобзон строил себе кооператив за собственные деньги.

По этому поводу существует замечательная история. Однажды мы были на гастроллях в Венесуэле. Изумительное место. Как нам сказал один старый дедушка-эмигрант: "Молодые люди, Латинская Америка — это сущий рай на земле, и как хорошо, что мало кто об этом знает". В Венесуэле оказалось много очаровательных русских эмигрантов еще старой волны. Эти люди обожают Россию. Они подолгу не отпускали нас после выступлений. Кормили нас, поили, развлекали. А когда провожали, то каждому подарили по сувениру. Кроме нас с Лившицем. Мы, конечно, удивились и спросили: а почему, собственно, такая несправедливость? Тогда один из эмигрантов сказал: "Потому что вы ведете популярную передачу. Вы же миллионеры. Что вам можно подарить?" Пришлось нам их разочаровать. Я попросил купить мне весь набор йогуртов, которые продавались в буфете аэровокзала. Они купили мне двенадцать баночек, а потом долго стояли вокруг и смотрели, как я уничтожаю эти блага.

Ну а вообще-то мы зарабатывали достаточно хорошо. У нас были машины и кооперативные квартиры.

— Александр Семенович, почему на волне перестройки вы не уехали за границу, как многие другие?

— Потому что с перестройкой здесь начался еврейский театр. А это дело засасывающее. Первый же спектакль имел большой успех. Мы сразу же поехали на гастролы в Лондон. Туда нас повезла сама Ванесса Редгрэйв. Семнадцать аншлагов за четырнадцать дней. Может быть, они нам льстили, но говорили, что такой успех был только у Beatles.

А вот Лившиц уехал в Нью-Йорк. В 46 лет. Тогда евреи почувствовали себя здесь зыбко. Отъезд был очень активным. В нашем театре каждый вечер собирался полный зал эмигрантов, которых консультировали юристы.

— Лившиц сейчас живет на Брай-

тоне?

— Нет, в Квинсе. Он уже на пенсии. А до этого работал программистом. После того, как закончил соответствующие курсы. У него жена и двое детей. Девки очаровательные. У нас с ними любовь. Это младшая (показывает на фотографии) Наташа — она манекенщица в агентстве Форда. Красавица.

— А ваши дети живут в России?

— У меня один сын — рыжий "бандюк". Он — поздний ребенок, я — поздний отец.

— Не предлагали ли вам снова поработать на радио?

— Такие предложения были. И, мне кажется, я придумал хорошую передачу под названием "Пенсионерская зорька". В ней может быть все — от русского романа до нынешнего рэпа. А также советы из практической жизни, элементы правового образования. Как-то по радио я услышал, что некая американская организация заключила соглашение с нашим министром иностранных дел Ивановым, по которому она дает нам три миллиона долларов на правовое просвещение. В связи с этим мы написали концепцию для двух радиопередач и попросили Кобзона, чтобы тот отправил все эти бумаги к Иванову. И вот уже полгода нет никакого ответа. А где эти три миллиона? Может быть, министр тем и занят, что их ищет.

— Вас многие, наверное, до сих пор постоянно "радионянем" называют?

— Да, я "радионяня".

— Не надоела такая намертво прилипшая ассоциация?

— Нет, я отношусь к этому абсолютно нормально.

Честно говоря, искусство, как это ни печально, не в состоянии переделать что-нибудь в обществе. Искусство может только заострить внимание, поднять вопрос, не больше. А "Радионяня" — тот редкий случай, когда практическая польза налицо. Человек, который прослушал веселый урок "Радионяни", по эксперименту, поставленному в школах, делает в несколько раз меньше ошибок.

— ...Александр Семенович я все смотрю на вас... Вам никогда не говорили, что вы очень похожи на Брежнева?

— Говорили, конечно. Особенно брови. А еще, как недавно выяснилось, я похож на Новоженова. Есть подозрение, что это с ним меня спутал Зюганов.

Год назад был юбилей у Пугачевой. Она меня пригласила. Пока Алла Борисовна задерживалась, все стояли кучками — садиться было неловко. Среди гостей присутствовали Иванов, Жириновский, Кобзон — всех не перечислять. Вдруг входит Зюганов со свитой и направляется прямо ко мне. Улыбаюсь, долго жмет руку. Окружающие стоят с отвисшими челюстями. Но Зюганов на них — ноль внимания. Наконец, пожав мне руку в последний раз, он проследовал дальше. Я тут же заявляю: "Вот так-то. Когда мы придем к власти, вы все в говне, а еврейский театр в теплой ванночке". Карцев все потом меня доставал: "Что за любовь? Что за дружба? А почему вы не целовались?"

— Кстати, а в партию — естественно, коммунистическую — вы не пробовали вступать?

— Упаси Господи! И по этому поводу есть один анекдот. Рабиновича уговаривают вступить в партию, а он увиливает. Секретарь парторганизации говорит ему: "Рабинович, ты хороший производственный, тебе надо в партию вступать". Рабинович отвечает: "Мне нельзя, у меня папа пират". Секретарь: "Ну и что. Он кого грабит? Буржуинов, насосавшихся нашей пролетарской крови. Так что тебе можно". Рабинович: "Нет, мне все равно нельзя, у меня мама еврейка". Секретарь: "Ну и что, у тебя зато папа — пират".

Дмитрий ГУСЕВ.